

ОДА-ПАНЕГИРИК КАК ПРОДУКТ ОСОЗНАННОЙ НЕОБХОДИМОСТИ. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ*

Аннотация: Статья посвящена проблеме формирования оды-панегирика у авторов XVIII века, в первую очередь у М.В. Ломоносова, и трансформаций этого вида оды в литературе XX века у В.Я. Брюсова, О.Э. Мандельштама, А.А. Ахматовой с сохранением лексических, синтаксических, морфологических особенностей классической оды. При этом данная трансформация носит характер осознанной необходимости воспевания Вождя и по-особому проявляется в идиостиле поэтов.

Ключевые слова: одический панегирик, славянизмы, мифологизмы, поэтизмы.

У Михаила Васильевича Ломоносова нет определения стиля жанра, хотя теория жанров разработана достаточно подробно и чётко. К «высокому стилю» он относит *оду*, трагедию, различные жанры ораторской и научной речи; к «среднему стилю» – газетно-журнальную публицистику, повесть, стихотворные жанры (басню, эклогу, элегию); к «низкому стилю» – комедию, «увеселительную эпиграмму», лирическую песню, эпистолярные жанры. Отсутствие определения понятия стиля жанра объясняется двойной зависимостью, в которой находятся жанры в стилистической теории М.В. Ломоносова.

С одной стороны, языковые средства, которые употребляются в том или ином жанре, не зависят от природы самого жанра, а определяются принадлежностью жанра к предмету повествования и к «теме», «которые различествуют по мере своей важности». Прежде чем создавать своё произведение, писатель должен определить, какова степень важности предмета и темы, а затем выбрать жанр произведения, соответствующий теме и предмету.

С другой стороны, в теории Ломоносова нет никаких указаний на то, что жанр представляет одно из слагаемых «стиля». Слагаемые каждого из «стилей» Ломоносов находил лишь в лексике, фразеологии, фонетике, грамматике, но только не в жанрах. В «Российской грамматике» Ломоносова описываются грамматические признаки, присущие высокому стилю, а соответственно, и *оде*: сравнительная и превосходная степень на *-ейший, -айший, -ший*; окончания на «ять» (в современном языке «е»); окончание «а» в форме родительного падежа единственного числа существительных мужского рода; причастные и деепричастные формы глаголов, образованные от славянских корней [1]. Если не принимать в расчёт зависимость объекта изображения от жанра и считать жанр слагаемым «стиля», то это приводит к противоречиям в изложении теории стилей Ломоносова и её модернизации.

Обращаясь к теме статьи «Начало XX века. Ода-панегирик как продукт осознанной необходимости. Лингвистический аспект», мы считаем возможным утверждать, что лучшие оды Ломоносова были предметом именно осознанной необходимости [2]. Поэт в одических панегириках прославляет Пётра I и его дочь Елизавету Петровну. Но вместе с тем говорит и о бескрайности просторов России, великих водных путях, богатствах недр, бескрайних полях той

* © Пузрякова Н.В.

страны, которая находится во власти монархов, чем ещё больше усиливает могущество самих царских особ.

В данной статье мы обращаемся к новому периоду развития оды первой половины XX века, возрождённой к жизни творчеством Валерия Яковлевича Брюсова. Создавая свой цикл «Оды и послания» по жанровому признаку, поэт возрождает прерванную в послепушкинский период одическую традицию классицизма, что требовало выбора большой темы, поисков героических характеристик, а также возрождения возвышенного поэтического языка. Ориентация на высокую ораторскую речь выразилась в стремлении к сжатости, эмоциональной насыщенности, внутренней эмоциональности, афористичности поэтических контекстов, в абстрагировании понятий и персонажей [3]. Однако уже у Брюсова В.Я. наблюдается тенденция к сознательному, порой необходимому уходу от выше сформулированных правил в силу сложной общественной обстановки, сложившейся к началу XX века.

Но панегирик как особая форма одической поэзии оказался востребован властью и обществом в 30-50 гг. прошлого века. В это время наиболее актуальной становится «сталинская тема». Заслуживает внимание, что у великих русских поэтов О.Э. Мандельштама и А.А. Ахматовой диктат времени, вынужденная, сопряжённая со страхом за жизнь близких, угода власти влекут за собой решительное изменение поэтической манеры, на смену разговорной интонации приходит одическая.

Следуя традициям классической оды, Осип Мандельштам традиционно использует славянизмы и мифологизмы, типа «для радости непреложной», «высшая похвала» и др. Не случайно поэт оставил ссылку, сообщив, что рисует углём, который раздул Прометей, – и прямо указывает, что читать нужно Эсхила «Прометей прикованный»:

...знать, Прометей раздул свой уголёк, –
Гляди, Эсхил, как я, рисуя, плачу!

Текст «Сталинской оды» можно интерпретировать, как это делает Игорь Фролов в статье «Откровение Мандельштама»: «Пишу заказное стихотворение, *обязанный изобразить непреложную радость*. Но, взяв уголь для высшей похвалы, расчерчиваю тревожно и осторожно (да ещё и воздух, чтобы следов не осталось), поскольку намереваюсь отобразить того, о ком пишу, достаточно дерзко – не так, как позволено, а иначе».

*И даже больше: уничтожить вздумал
Весь род людской и новый насадить.
И не восстал никто из бедных смертных,
А я дерзнул...*

Что совсем не свойственно для панегирика, поэт угрожает устами эсхилловского героя самому Сталину скорым падением и при этом не намерен изменить себе:

*Знай хорошо, что я б не променял
Моих скорбей на рабское служенье.*

Далее в оде находим хвалу Сталину (что, несомненно, традиционно для классической оды):

*И в дружбе мудрых глаз найду для близнеца,
Какого, не скажу, то в выраженьи, близясь
К которому, к нему, – вдруг узнаёшь отца
И задыхаешься, почуяв мира близость.*

Первый, видимый смысл здесь ясен – хвала Сталину. Однако некоторые неясности останавливают наш беглый взгляд. Лексика не просто возвышенная – она почти религиозная. Все эти намёки – «тысячелетье», «кого, не скажу», «отца», «мира близость» – вдруг сходятся в странном восклицании:

Хочу назвать его – не Сталин – Джугашвили!

Как отмечают исследователи, окончания грузинских фамилий *-дзе* и *-швили* первоначально имели значения «рождённый» и «сын». В настоящее время эти окончания относятся к патронимическим суффиксам. В корне же фамилии сокрыто тоже немало тайн.

Есть, по меньшей мере, три перевода: 1) в осетинском языке «*дзуга*» означает «отара», «стая»; 2) древнегрузинское «*джуга*» означает «сталь»; 3) по мнению некоторых зарубежных русистов, «*джуга*» есть мусор, отходы, но такой перевод смахивает на выполнение политического заказа.

Последний перевод не имеет ссылок на источники и ничем не подтверждён. Второй вариант (сталь) отпадает – получается тавтологичное «не Сталин – Сталин». «Сын отары, стай» – либо ягнёнок, либо волчонок, или подразумева­ется агнец. Но подобная трактовка поэтического образа не отсылает читателя к скрытому смыслу, что противоречит традиции поэтического текста. Попытка привязать «не Сталин-Джугашвили» к этимологии фамилии явно не удаётся.

Сломленный ссылкой, под угрозой смерти О. Мандельштам вымучивал из себя «оду» Сталину и сопутствующий ей цикл стихов, а Анна Ахматова ради спасения сына в 1950 году напечатала официальный цикл «Слава мира!». Впоследствии она хотела, чтобы о нём забыли. Датированная 1941 годом ода Сталину, написанная к семидесятилетию вождя, содержит абстрактную лексику и поэтизмы, традиционные для одической поэзии:

*И вождь орлиными очами
Увидел с высоты Кремля
Как пышно залита лучами
Преображенная земля...*

При ближайшем рассмотрении этого текста возникает мысль об аллюзиях, отсылающих к известному панегирику Ломоносова «Ода на день восшествия на престол Елизаветы Петровны» (1748) (4).

В качестве заключительных слов оды звучит голос «благодарного народа»:

*И благодарного народа
Вождь слышит голос:
«Мы пришли
Сказать, – где Сталин, там свобода,
Мир и величие земли!»*

Эти слова напрямую отсылают читателя к стихотворению А.С. Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...», являющемуся переложением известной гора­цианской оды. Однако поэт утверждает, что служение народу ставит его выше царской власти:

*Я памятник воздвиг себе нерукотворный...
Вознёсся выше он главою непокорной
Александрийского столпа.*

Таким образом, ода как панегирик в отечественной поэзии трансформируется на семантическом уровне в силу «осознанной необходимости».

Список литературы:

1. Ломоносов. Полное собрание сочинений. Труды по филологии, т. VII. – М.-Л., 1952. – С. 457-499, 548-550.
2. Пузрякова Н.В. «Отечественная ода XVIII века в лингвистическом аспекте» // Вестник МГОУ, 2007. – Серия «Русская филология». – С. 356-360.
3. История русской литературы. т. 4. – Л., 1988. – С. 498.
4. Пузрякова Н.В. «Отечественная ода XVIII века в лингвистическом аспекте» // Вестник МГОУ, 2007. – Серия «Русская филология». – С. 356-360.

N. Puzryakova

**ODE – THE PANEGYRIC AS A PRODUCT OF THE REALIZED NECESSITY.
LINGUISTIC ASPECT**

Abstract: Problem of formation of an ode - the panegyric at authors of XVIII century, first of all at M.V.Lomonosov, and transformations of this kind of an ode in the literature of XX century at V.J.Brjusov, O.E.Mandelshtam, A.A.Ahmatova with maintaining of lexical, syntactic, morphological features of a classical ode. Thus the given transformation is characterized by the realized necessity of praising the Leader and is reflected in special way in poets stile.

Key words: ode - the panegyric, slavayanizm, mifologizm, poetizm.